

МАШИНА ВРЕМЕНИ: КОНЦЕРТ ЦОЯ

МИХАИЛ ГИНЗБУРГ

Михаил Гинзбург

Машина времени: концерт Цоя

«Автор»

2025

Гинзбург М.

Машина времени: концерт Цоя / М. Гинзбург — «Автор», 2025

Прочувствуйте атмосферу лихих 90-х вместе с Михаилом Семёновичем, инженером из 2025 года, чья размеренная жизнь переворачивается с ног на голову! Он построил машину времени, чтобы осуществить заветную мечту — попасть на последний концерт Виктора Цоя в Лужниках, который пропустил в юности. Но прошлое встречает его не романтикой ностальгии, а суровой реальностью: без денег, без связей и с совершенно бесполезными гаджетами. Ему предстоит научиться выживать в мире, где царит «наличман», «понятия» и «авторитеты». Вместе с колоритными персонажами — дерзкой Рыжей, мудрым Батей и опасным Клещом — Михаил Семёнович пройдет путь от «фраера» до «своего», чиня старые телевизоры, сталкиваясь с «разборками» и открывая для себя истинную ценность человеческих связей. Это не просто история о машине времени, это глубокое погружение в эпоху, которая научила главного героя ценить настоящее и понять, что самое важное — это не вернуть прошлое, а принять его таким, какое оно есть.

© Гинзбург М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Гинзбург

Машина времени: концерт Цоя

Глава 1

Михаил Семёнович, человек пятидесяти лет от роду, чья жизнь была расчерчена, как инженерный проект, с точностью до миллиметра, смотрел на свой аппарат. Громоздкое сооружение из тускло поблескивающей нержавеющей стали, запутанных проводов и мигающих лампочек напоминало одновременно и старый советский агрегат из НИИ, и что-то из фильмов о сумасшедших учёных. Он потратил на неё десять лет – десять лет украденных часов, бессонных ночей и объяснений жене, почему ему так нужен этот древний осциллограф с «блошиного рынка». Жена, кстати, верила, что он просто слишком увлёкся новым хобби – «моделированием радиотрансляторов». Пусть так. Главное, она не знала, что он собирался смоделировать... прошлое.

На улице шумел май 2025 года, шелестел листвой, пропитанной свежим дождём. В окне его гаража, который он с упорством маньяка превратил в мини-лабораторию, виднелись блестящие крыши соседних домов и серое, как старый свитер, небо. Воздух был свеж и пах мокрой землёй. В его собственном мирке царил запах озона, паяльника и чего-то неуловимо-пыльного.

Михаил Семёнович проверил показатели на мониторе, слегка поправил очки на носу и глубоко вздохнул. Сердце, обычно работавшее с точностью часового механизма, вдруг забило как взбесившийся барабан. Нервы, штука до странности упрямая, даже у инженеров. А уж тем более у тех, кто собирается в девяностый год. В тот самый, где он должен был быть. На том самом концерте Цоя в Лужниках. Концерте, который он пропустил тогда, двадцать с лишним лет назад, из-за дурацкой простуды и поездки к тётке, и который не переставал ему сниться.

«Что ж, Михаил Семёнович, – пробормотал он в пустоту, – или пан, или пропал». Он нажал большую красную кнопку.

Сначала послышался низкий, нарастающий гул, похожий на ворчание тысячелетнего медведя. Лампочки на панели замигали в безумном ритме, провода затрещали. Запах озона усилился, а потом... потом всё смешалось. Свет, звук, сам воздух вокруг. Казалось, что его тело скручивают в невозможный узел, а потом резко разворачивают. В голове помутнело, желудок сжался, и он почувствовал, как сознание проваливается куда-то в бездну.

Он очнулся резко. Открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Неожиданный, резкий, пронзительный гул ударил по ушам, а затем – какофония голосов, шума машин, где-то вдалеке – отрывки музыки. Запахи... О, запахи были отдельной историей. Выхлопные газы, жареные пирожки, мокрая пыль и что-то неуловимо «советское», кислое, ностальгическое, словно старый шкаф.

Михаил Семёнович попытался подняться. С трудом оторвав голову от грязного, шершавого асфальта, он огляделся. Его гараж исчез. Исчезли блестящие дома. Вместо них – серое, местами облупившееся здание, на котором крупными буквами кричала вывеска: «**Товары для дома. Промтовары**». Вокруг него кипела толпа. Неспешно, хаотично, по-своему шумно. Мимо проносились допотопные "Жигули" и "Москвичи", сигналила так, будто это было их единственным смыслом жизни.

Он был одет в свою любимую практичную куртку, джинсы, на запястье – умные часы. И на ногах – кроссовки, которые казались ослепительно белыми на фоне окружающей серости. Люди вокруг – мужчины в мятых пиджаках и кепках, женщины с авоськами, дети, гоняющие футбольный мяч по тротуару – смотрели на него с любопытством, некоторые – с подозрением.

– Эй, мужик, ты чего, как с Луны свалился? – послышался хриплый голос откуда-то сбоку.

Михаил Семёнович повернул голову. Рядом стоял пожилой мужчина, лет шестидесяти, с обветренным лицом и хитрыми, но добрыми глазами. На нём был засаленный пиджак и потрепанная кепка. В одной руке он держал авоську, из которой выглядывала бутылка кефира.

– Я... я, кажется, потерялся, – промямлил Михаил Семёнович, пытаясь собраться с мыслями. – Не могли бы вы подсказать, как пройти к ближайшей станции метро?

Старик расплылся в щербатой улыбке.

– Метро? Ха, милоч, тут тебе не Европа. Тут до метро ещё топать и топать. Ты лучше скажи, откуда сам, что такой чистенький и в растерянности? Видно, не местный. Да и одежка у тебя... диковинная.

Михаил Семёнович поёжился. Его часы, которые в его времени стоили целое состояние, теперь выглядели, наверное, как бесполезная пластмассовая безделушка.

– Я... из другого города, – соврал он, пытаясь подобрать максимально нейтральную ложь. – Просто... впервые здесь. И, кажется, немного дезориентирован. Я мог бы расплатиться... картой.

Он протянул свою кредитку. Старик взял её, повертел в руках, затем понюхал, словно проверяя на съедобность, и вернул Михаилу.

– Картой? Ты что, шутишь, что ли, барин? Тут тебе не загнивающий Запад. Тут налом платят, вот чем! – Он хлопнул себя по карману штанов, откуда донёсся звон монет. – Ладно, не парься. Пойдем, угощу тебя чаем, да расскажу, как тут у нас дела обстоят. А то так и будешь как лох по району шастать. Тебе ж, поди, надо ориентироваться, а не эти... пластиковые фантики показывать.

Михаил Семёнович почувствовал, как волна осознания накрывает его с головой. Он был здесь. В девяностом году. И, судя по всему, без гроша в кармане и совершенно бесполезными гаджетами. Сердце вновь забилося, но на этот раз – от предчувствия приключения, которое могло оказаться куда сложнее, чем он предполагал.

Глава 2

«Чай? Вот уж не думал, что начну свое путешествие в прошлое с чаепития», – пронеслось в голове Михаила Семёновича, пока он следовал за своим новым знакомым. Старик, представившийся как Батя, по-хозяйски кивнул ему, указывая на потрепанный стул у небольшого, поцарапанного столика. Они оказались в тесной кухне, пахнувшей борщом и чем-то неуловимо домашним. На стенах висели выцветшие обои, на окне – герань в старом глиняном горшке. Никакого вам хайтека.

– Ну, располагайся, милоч, – сказал Батя, ставя на стол пару гранёных стаканов и железный чайник. – Зови меня просто Батя. Тут все так зовут. А ты, я смотрю, городской? По акценту вроде наш, а по одежде... ну, будто из телевизора вылез.

Михаил Семёнович попытался улыбнуться.

– Михаил. И я, действительно, из другого города. Был... в командировке. И вот, немного заблудился.

Батя хмыкнул, наливая крепкий, почти чёрный чай.

– Командировка, говоришь? Ну-ну. Ладно, дело твоё. А то, знаешь, тут сейчас всякие шушеры шастают. То смутьяны, то барыги. А то и вовсе... – он выразительно провел пальцем по горлу. – Так что будь начеку.

Михаил Семёнович ощутил холодок под лопатками. Вот он, первый глоток той самой «свободы 90-х», о которой столько говорили. И которая пахла совсем не так, как его идеализированные воспоминания. Он попытался отпить, но чай был обжигающе горячим, и он чуть не выронил стакан.

– Аккуратней! – усмехнулся Батя. – Горячо, да? Ты вот что, Миша, скажи мне, а у тебя деньги-то есть? Наличные?

Михаил Семёнович снова вытащил свою кредитку.

– У меня только это. Я думал, тут можно...

Батя покачал головой, забирая карту и разглядывая её, будто это был инопланетный артефакт.

– Это что же, пластиковая картонка, что ли? И что с ней делать? Жвачку по ней жевать? – Он вернул её с видом человека, который только что прикоснулся к чему-то очень странному и бесполезному. – Забудь про неё. Тут без «наличмана» ты никуда. И без «ксивы» нормальной тоже. А то милиция быстро тебя «повяжет» за «тунеядство» или «бродяжничество». Или «бригада» какая-нибудь «нарисуется», им твоя картонка тоже без надобности.

Слова Бати обрушивались на Михаила Семёновича словно град. Он привык к миру, где можно было выйти из дома с одним телефоном и жить припеваючи. А тут... тут ему объясняли правила игры, которых он не понимал.

– Но... как же так? – Михаил Семёнович чувствовал, как паника подступает к горлу. – Я же инженер. У меня есть... навыки. Я могу починить что-нибудь, настроить. В конце концов, я разбираюсь в компьютерах!

Батя снова хмыкнул, на этот раз с явной насмешкой.

– Компьютеры? Ты это бабкам на лавочке рассказывай. Какой компьютер? Тут у половины населения радио еле ловит, да и то на трёх гвоздях держится. Максимум, что ты тут починишь, это старый телевизор, да и то, если паяльник найдёшь. А навыки... Ну, покажи свои навыки. Авось, не пропадешь. Знаешь, как говорят, «голь на выдумки хитра»!

Он встал, подошёл к старому, скрипучему буфету и достал из него нечто, завернутое в газету. Развернув, Батя торжествующе выставил на показ старую, сломанную настольную лампу, у которой была перебита проводка и отвалился плафон.

– Вот, Мишаня. Твой первый тест-драйв. Лампа не горит. А свет в хате, сам понимаешь, нужен. Вот починишь, тогда и посмотрим, какой ты инженер. А нет... ну, значит, будем думать дальше. А пока – «без базара» сиди и чай пей.

Михаил Семёнович посмотрел на лампу, затем на свои изящные руки, привыкшие к клавиатуре и точным приборам. В его время он бы просто заказал новую лампу или вызвал мастера через приложение. А здесь... Здесь ему предстояло пройти крещение реальностью. И он вдруг понял: его "путешествие к Цою" только начиналось, и оно будет куда более захватывающим, чем он мог себе представить. И, судя по всему, без инструкций.

Глава 3

Михаил Семёнович уставился на лампу. Нет, не так. Он сверлил ее взглядом. Это была не просто сломанная лампа. Это был портал. Портал, который отделял его от... от возможности помыться, поесть и, быть может, когда-нибудь вернуться домой. Или хотя бы попасть на концерт.

– Ну чего застыл, Мишаня? – голос Бати вырвал его из оцепенения. – Думаешь, она сама себя починит? Тут, знаешь ли, «на халяву» только ветер гуляет.

Михаил Семёнович глубоко вздохнул. В своей лаборатории он мог бы подсоединить лампу к осциллографу, прогнать импульсы, выявить обрыв в микросекундах. А здесь? Здесь у него были только руки, глаза и здравый смысл. И нездоровый страх перед тем, что Батя примет его за совсем уж пропащего.

– Мне нужен инструмент, – произнес он, пытаясь придать голосу уверенности. – Паяльник. Отвертка. И... изолента.

Батя крякнул.

– Ну, «ключи» найдутся, – он подошел к старому ящику под раковиной, порылся там и достал шербающую плоскую отвертку, похожую на что угодно, но только не на инструмент, и пассатижи, чьи ручки были обмотаны синей изолентой. – Вот, держи. А изоленту... это уж сам

«крутись». Тут она на вес золота. Каждый кусочек на счету. Не то что у вас там, в больших городах, где ее, поди, лопатами гребут.

Михаил Семёнович взял инструменты. Они были тяжелыми, грубыми и совсем не подходили на его стерильные, эргономичные принадлежности из титана. Он принялся осматривать лампу. Проводка действительно была перебита. Пыль и грязь слоем покрывали каждый уголок.

Пока он ковырялся, Батя продолжал бубнить что-то о жизни, о том, как «завод встал», о «ваучерах» и «новых русских», которые «шухерят» по городу. Михаил Семёнович слушал вполуха, его мозг работал в совершенно другом режиме, пытаясь адаптироваться к новым условиям.

– Вот, глянь, – вдруг сказал Батя, протягивая ему вчерашнюю газету, скомканную и заляпанную. – Читал сегодня? «ДДТ» в Москву приехали. «Что такое осень – это небо»... А там еще, говорят, «Кино» скоро самих Лужниках концерт дадут. Вот это событие будет!

Сердце Михаила Семёновича пропустило удар. «Кино». «Лужники». Вот он, тот самый момент, ради которого он сюда попал. Он взял газету. Вчерашний номер. 1990 год. Точно. Статья о концерте была небольшая, затерянная среди новостей о повышении цен и криминальной хронике.

– А когда... когда этот концерт? – спросил Михаил Семёнович, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Батя пожал плечами.

– Да кто ж знает точно? Разговоры идут. Скоро, наверное. Вон, молодежь вся уже «уши развесила». Да ты не парься. Почини лампу, а там видно будет. Главное, чтоб не сгинул тут.

Михаил Семёнович кивнул, лихорадочно прикидывая. Значит, он попал сюда не за пару дней до концерта. У него было время. Время, чтобы не просто попасть на концерт, а... выжить. А еще – понять, как вернуться. Это добавляло головной боли. Каждый день здесь – это не просто ожидание заветной даты, а борьба за существование.

Через час, покрытый пылью, но с чувством глубокого удовлетворения, Михаил Семёнович протянул Бате лампу. Он сумел как-то скрутить провода, используя найденный на кухне кусок алюминиевой фольги и ту самую синюю изоленту Бати. Грубо, но, кажется, надежно.

Батя недоверчиво взял лампу, вставил вилку в розетку. Щелкнул выключателем. Комнату залил тусклый, но живой свет.

– Ну ты даешь, Мишаня! – Батя хлопнул его по плечу. – «Золотые руки»! Прямо как наш Санька-электрик, царство ему небесное. Ты, брат, не пропадешь. С такими-то руками...

Михаил Семёнович почувствовал, как что-то внутри него расправляется. Он сделал это. Он, человек из 2025 года, починил лампу в 1990-м, используя подручные средства. Это было сложнее, чем запустить ядерный реактор, но куда более... реально.

– Ну что, – сказал Батя, подходя к окну и выглядывая на улицу. – Раз уж ты у меня тут «нарисовался», да ещё и с такими талантами, надо тебе приработок искать. А то на одном чае далеко не уедешь. Вон, там, на рынке, знакомая одна есть. «Рыжая» её кличут. Бойкая девка. Глядишь, и ей пригодишься.

Михаил Семёнович посмотрел в окно. За ним бурлила жизнь. Серая, пыльная, но полная какой-то дикой энергии. Он был здесь. В мире, который когда-то был его молодостью, а теперь стал чужим. И он был готов к этому. Или, по крайней мере, так ему казалось.

Глава 4

Рынок встретил Михаила Семёновича оглушительным рёвом. Это был не цивилизованный супермаркет будущего с ровной подсветкой и мелодичной музыкой. Это был живой, дышащий хаос. Гвалт торговцев, ругань покупателей, скрип тележек, запах дешёвых сигарет, квашеной капусты и чего-то непонятного, но очень сильного, что висело в воздухе, словно облако. И, конечно же, запах денег. Вернее, их осязаемого, бумажного присутствия.

Батя, похлопав его по плечу на прощание – «Ну, давай, Мишаня, не подведи, я тут рядом, если что!» – оставил его наедине с этим сумасшедшим карнавалом. Михаил Семёнович чувствовал себя как астронавт, высадившийся на чужой планете без скафандра.

Он двинулся вдоль рядов, стараясь не привлекать внимания. Баулы с одеждой, горы обуви, кассеты, непонятные электронные приборы. Всё казалось каким-то... подержанным. Словно мир уже пережил себя, но ещё не успел это осознать.

– Эй, дядька! – пронзительный голос заставил его вздрогнуть. – Ты чего там «копаешь»? Возьми лучше этот плеер, офигенная вещь, сам слушаю! А то менты нагрянут, не успеешь и пикнуть!

Михаил Семёнович повернулся. Перед ним стояла девушка лет двадцати с копной рыжих кудрявых волос, которые, казалось, жили своей собственной жизнью. Глаза у неё были острые, цепкие, а улыбка – дерзкая. Она была одета в яркий, не по размеру большой свитер и потёртые джинсы. В руках она держала кассетный плеер, который выглядел так, будто пережил ядерную войну.

– Плеер? – переспросил Михаил Семёнович, пытаясь понять, почему она выбрала именно его.

– Ну да! А то чего ты тут у меня «тормозишь»? На вид вроде не «штрибан», а ходишь как будто «с бодуна». Тебе что, музыку не слушать? Цой, «Ласковый май» – всё есть! – Она энергично потыкала пальцем в ворох кассет на своём прилавке, сооруженном из нескольких картонных коробок.

– Мне... мне не нужен плеер. Мне нужна работа, – сказал Михаил Семёнович, внутренне съёживаясь от своих слишком правильных и, как он вдруг осознал, слишком «стерильных» слов.

Рыжая рассмеялась. Смех был громким, заразительным и немного циничным.

– Работа? Ты чё, прикалываешься? Тут все «крутятся», как белки в колесе, сами по себе. Ты кто по жизни, «барыга»? Или «челнок»? А то тут с работой... ну, ты понял.

Михаил Семёнович почувствовал, как краснеют уши. Он хотел объяснить, что он инженер, что у него высшее образование, что он привык к стабильности и пенсионным отчислениям. Но понял, что это будет звучать как набор бессмысленных звуков.

– Я... я умею чинить электронику, – выдавил он наконец. – И не только.

Глаза Рыжей загорелись.

– О, это интересно! А то у меня тут «видиков» куча, все сломанные. Если починишь, «натурой возьмёшь», или «договоримся» по-человечески. А то эти мастера наши... Только «бабки рубят», а толку ноль. Да ты чё, правда умеешь? Без «развода»?

Она протянула ему один из «видаков» – видеомагнитофон, который выглядел как кирпич, но был символом достатка в то время. Михаил Семёнович взял его. Тяжёлый, громоздкий, с обилием механических частей. В его времени таких уже и не сыщешь. Зато он понимал принцип их работы.

– Я попробую, – ответил Михаил Семёнович, чувствуя прилив адреналина. Это был его шанс. Шанс доказать себе, что он чего-то стоит в этом безумном мире. Шанс заработать хоть какие-то «бабки». И, возможно, шанс на шаг приблизиться к своей главной цели.

– Ну, «давай, зажигай!» – подбодрила Рыжая, указывая на укромный уголок за её прилавком, где можно было присесть. – Только «без фанатизма», чтоб не спалиться. А то тут «смотрящие» есть, им не понравится, если ты тут будешь «мутить» что-то без их ведома.

Михаил Семёнович кивнул. Он вдруг понял, что мир 90-х – это не просто ностальгическая картинка из его юности. Это минное поле. И он, кажется, только что сделал первый шаг. А ещё он понял, что его знания из будущего, которые казались ему такими мощными, здесь были всего лишь слабым фонариком в крошечной тьме. И, возможно, именно это и было самым интересным в его путешествии.

Глава 5

Михаил Семёнович кряхтя опустился на корточки за картонным прилавком Рыжей. Ему отчаянно не хватало его удобного вращающегося стула и яркой лампы-лупы. Здесь же полумрак, пыль и стойкий запах, который, кажется, был смесью всего рынка. Плевать. Это был его шанс.

– Ну чего, дядька, «копаешь»? – голос Рыжей раздавался над ним, пока она бойко отпустила товар какому-то небритому мужику в спортивном костюме. – Давай быстрее, тут «клиенты подтягиваются»!

Он не обращал внимания на её подначки. В руках у него был видеоманитофон, модель «Электроника ВМ-12». Старый, как мир. Идеально. Он знал эту модель. В свое время, еще до институтов и машин времени, он увлекался радиотехникой, и такие аппараты были его любимыми «игрушками».

– Мне нужен фонарь, – пробормотал Михаил Семёнович, пытаясь рассмотреть внутренности аппарата.

– Фонарь? А «чё там смотреть»? Там и так всё видно, – Рыжая протянула ему допотопный китайский фонарик, еле светящийся желтым пятном. – Держи, «золотой». Только не урони, а то «в копеечку влетит».

Михаил Семёнович осторожно разбирал ВМ-12. Он чувствовал, как оживают старые навыки. Вот тут ослаб ремень привода, здесь забились головки, а это... это был какой-то налет, похожий на плесень. В его времена такие вещи просто выбрасывали. Но здесь, в 1990-м, это была ценность.

Пока он возился с механизмами, к прилавку Рыжей подошла троица. Двое – крепкие парни в кожаных куртках, третий, повыше и пошире, с недобрый взглядом и массивной золотой цепью на шее. Михаил Семёнович сразу узнал этот типаж. «Браток». Батя о таких предупреждал.

– Чего тут «мутишь», Рыжая? – голос «Братка» был низким, тягучим и опасным. – А то тут ходят слухи, будто ты «без пацанов» крутишься. И какого-то «фраера» к себе «в подсобку» взяла?

Рыжая заметно напряглась, но голос её оставался дерзким.

– О, Клещ! «Здорово, бандиты!» Ты чего это «нарисовался»? У меня всё «по понятиям». А это... это мой дядька из деревни приехал. Помогает с товаром.

Михаил Семёнович замер, держа в руках мелкую шестерёнку. Он был «дядькой из деревни»? Отличная легенда.

«Клещ», как его назвала Рыжая, прищурился, его взгляд остановился на Михаиле Семёновиче.

– Дядька, говоришь? А чё это твой дядька тут «внутренности» смотрит? Ты, дядька, «электрик» что ли? А то тут у меня телевизор «глючит». Может, «посмотришь»? За «магар», конечно.

Кровь прилила к лицу Михаила Семёновича. Он чувствовал, что его проверяют. И от его ответа зависело многое. Он, человек из будущего, должен был изображать сельского умельца, чтобы не нарваться на неприятности.

– Ну, «кое-что понимаю» в технике, – ответил Михаил Семёнович, стараясь говорить максимально просто, без своих обычных инженерных формулировок. – Если принесёшь, посмотрю.

Клещ улыбнулся, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего.

– «Понятно-понятно». Значит, «мутишь» тут что-то. Ладно, дядька. Мой «телек» не простой. Если «чинишь», то «расклад» будет один. А если нет... – он многозначительно посмотрел

рел на своих подручных. – Ну, тогда «разговор» другой. Завтра приходи по адресу: Ленина, 12. Спросишь Клеца. Только «без хвостов», понял?

Он развернулся и ушел, а его парни, широкоплечие и угрюмые, окинули Михаила Семёновича прощальным, оценивающим взглядом.

Рыжая выдохнула, словно только что задержала дыхание надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.